

СЛЕДСТВИЕ ВЕДУТ...

— Как реагировали коллеги, когда узнали, что вы собираетесь совершить такой вираж?

— Удивлялись: зачем мне это надо? Вроде все в порядке: известный артист, нормально материально обеспечен... Но это были 89–90-й годы. Пустовали залы, становилось непонятно, для чего вообще существует театр... Коллеги соглашались с тем, что в России актерская профессия потеряла статус. Это сейчас, слава Богу, все вернулось. Произошел настоящий театральный взрыв, залы в Москве вновь переполнены. Но тогда было все наоборот. Поэтому мои друзья, коллеги понимали, почему я делаю столь крутой, опасный вираж...

— Когда вы эмигрировали?

— В 1991-м. Я был здесь в 90-м, с концертами, со своей будущей труппой. Это была как бы ознакомительная поездка. Будущий театр "Гешер" проехал по всей стране со спектаклями. А в 1991-м, в мае, я уже приехал сюда на работу.

— Значит, все же уезжали как актер?

— Да. Приехал сразу на контракт. Творческого простоя практически не было. Сразу окунулся в работу. И так — вот уже девять лет.

— Русский театр за границей?..

— Идея нашего театра зародилась еще в Москве. Женя Арье, замечательный режиссер, сказал, что задумывает это дело в Израиле — русский театр! И когда он предложил мне принять участие, то я с удовольствием взялся за это дело — совершенно незнакомое, в другой стране... Это было необычайно интересно: участвовать в создании нового театра, — и я очень доволен, что наша задумка оказалась такой успешной. "Гешер" снимал теперь международную известность, проехал с гастролями по всему миру. Театр серьезный, и я считаю, что с очень большой перспективой. Бывают спектакли лучше, хуже, но влияние театра поддерживается энергетикой Арье. Он не дает опуститься ниже уровня, который мы избрали с самого начала и который он нам предложил.

— Над чем сейчас работаете? Что в ближайших планах?

— Только закончил спектакль "Мистер Брик". Сыграли подряд две премьеры. Сначала — на русском, а через неделю этот же спектакль выпустили и на иврите. Переводить с языка на язык — это всегда сложно, даже сейчас: вот уже девять лет прошло, появился опыт, но все равно тяжело.

В кино закончил сниматься сразу в двух картинах. Сыграл симпатичную роль в фильме грузинского режиссера Касашвили — он израильтянин, здесь живет. Было смешно: мало мне иврита, так я еще и на грузинском играл... Второй фильм — "Человек-электричество" — об известном человеке, который строил первые электростанции здесь, в Израиле.

— Ну и каково это — играть на другом языке?..

— Казусы бывали. Вот, например, в русскоязычном спектакле "Дело Дрейфуса". Я играю там музыканта и, выходя на сцену, должен воскликнуть: "Тихо! Тишина!" Но совершенно непроизвольно у меня вырвалось на иврите: "Шкет! Шкет, бевакаша!" После моих слов в зале была абсолютно нормальная реакция: местные зрители решили, что это так и надо. А с моими партнерами по сцене случился небольшой шок...

А первый сюрприз, связанный с языком, произошел в аэропорту всего через несколько минут после моего приезда в Израиль. Вышли мы с женой и дочкой из самолета, прошли паспортный контроль, идем за вещами. Рядом стоят местные рабочие, как и положено, в комбинезонах с надписями на иностранном языке, смотрят на меня, улыбаются, — вроде как узнали. Жена удивляется: иностранцы смотрят, наверное, русское телевидение?.. И тут один из них на чистом русском языке говорит другому: "Ну я ж тебе говорил, что в Израиле обострилась обстановка — вот Томина вызвали!.."

Ну, после этого я понял: все будет нормально. Потому что такие истории случались и в Кишиневе, Киеве, Ленинграде: всюду была хорошая реакция на мое появление. И тут случилось то же самое.

— Когда вы в последний раз были в России?

— Полгода назад. Сейчас вот опять еду. В Москву сначала, а потом уже — в Финляндию.

— Навестить друзей? Или дела?

— Друзей! Никакой работы. Только отдых.

— Но в России у вас остались творческие связи?

— Прежде всего дружеские связи остались. Творческих — нет, потому что у меня нет личных творческих планов вне театра. Труппа в "Гешере" небольшая. Только сейчас появились спектакли, где я не занят, а так девять лет играл разные роли во всем репертуаре. О том, чтобы "выскочить" куда-нибудь, в том числе — в Россию, не могло быть и речи. Поэтому творческие контакты с коллегами из России были лишь на уровне разговоров и пожеланий. А дружеские связи все остались.

— Прошел слух, что собираются снимать продолжение "Знатоков"...

— Был слух такой: хотели затеять совместный проект и работу над "Знатоками" продолжить. Но все упирается в деньги. Необходимы средства на новый сериал, а пока их нет.

— Еще говорят, новые серии "Знатоков" планировалось снимать в Израиле...

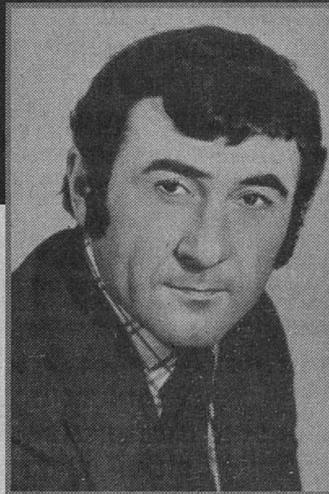
— Такой сюжет предлагали продюсеры, задумывавшие продолжение.

— И кого должны были играть? Местного полицейского, помогающего сыщикам из МУРа бороться с российской мафией? Или израильского Томина?..

— Конечно, своего персонажа: он мне очень дорог. Но в

Персонаж Леонида Каневского — следователь МУРа Томин — был одним из самых любимых ментов страны: его уважали даже отпетые уголовники. А все потому, что за 18 лет сериала "Следствие ведут Знатоки" Томин впустил никого не посадил.

Но вдруг, сделав блестящую карьеру на экране, дослужившись в "Знатоках" до майора милиции, в 1991 году Каневский вместе с семьей уехал в Израиль. О том, как сложилась у знаменитого актера жизнь после "Знатоков", Каневский рассказал в интервью корреспонденту "МК".

МАЙОР ТОМИН — НА ВЫЕЗДЕ!

**Леонид
КАНЕВСКИЙ:**

"Так же гуляю в компаниях, так же выпиваю, так же отдыхаю. Живу, как и прежде жил в России..."

израильском варианте: с моим лицом нельзя ловить преступников из России. Они уж меня все прекрасно знают...

— На смену Знатокам пришло новое поколение — "ментов". На взгляд майора Томина, они справляются с ролью преемников Знатоков?

— Когда появились ленинградские "Менты", первые пару серий было действительно интересно, просто замечательно. А потом все стало одно и то же: общий жанровый момент, драки, пьянки, этакие простецкие рубахи-парни... Такой сюжет не очень привлекает меня. В общем, можно посмотреть, а можно и не смотреть. Можно начать с середины, а можно посмотреть с конца...

А вот когда появилась "Каменская" — это уже ближе к "Знатокам". Психологические разработки, человеческие вза-

имоотношения уже есть в сюжете, и противники серьезные, а не просто какие-то "крутолобые орлы"... Вот это уже настоящая конкуренция. Это мне было интересно смотреть.

— Ваша жизнь в Израиле сильно отличается от российской?

— Меня иногда спрашивали: "Как проходит ваша репатриация?" — или: "Как проходит ваша абсорбция?" Я всегда удивлялся и говорил: "Я не понимаю, что такое абсорбция! Я продолжаю жить и работать по-прежнему". Я ниоткуда не уехал. Я приехал в страну, где было новое дело. Приехал с семьей, живу здесь, работаю. И не рвал связей с Россией. Мой modus vivendi не изменился. Я так же принимаю друзей, так же гуляю в компаниях, так же выпиваю, так же отдыхаю. Живу, как и прежде жил в России. И круг общения у меня практически такой, как и там. За исключением, к сожалению, нескольких близких друзей. Мы видимся минимум раз в полгода. То мы к ним, то они к нам. В остальное время разговариваем по телефону. И вообще, так весь мир живет. Это раньше мы были воспитаны прежней властью — с убеждением, что люди обязательно должны жить по месту прописки. И если уехал, то, значит, навсегда. Но весь мир все века жил по-другому. Поэтому я не считаю, что изменил образ жизни.

— И как выглядит один день жизни Леонида Каневского в Израиле?

— Довольно разнообразные, я вам скажу, мои дни. Потому что бывают дни, когда у меня нет дыхания: съемка, спектакль, опять съемка. Бывают дни: репетиция, репетиция, спектакль. Бывают дни: репетиция, репетиция, репетиция. Бывают дни отдыха: тренажерный зал, бассейн, спектакль. Бывают дни — чисто отдых: бассейн, тренажерный зал, встреча с друзьями. Или просто дома у телевизора — замечательно: с дочкой, женой... Мы очень любим посидеть вместе дома, потреться. Вот такие дни. Бывают концерты, творческие встречи со зрителями. Бывает радио. Бывает реклама. Те же заботы по профессии и по жизни.

— Популярность вам не мешает?

— Понимаешь, популярность может возникнуть в секунду. Дальше уже задача актера — сохранить ее, сохранить творческий авторитет: вот это важно. И если это удается и тебя встречают через годы и годы — улыбаются, говорят хорошее, — то, значит, ты не зря работаешь в своей профессии. Актер — профессия публичная. И если коллеги говорят: "Ой, как мне популярность мешает, раздражает!" — то это кокетство. Хотя узнаваемость, популярность — понятия эфемерные, и нельзя превращать их в основу профессии. Так может случиться, что через месяц все это исчезнет...

— Российский зритель вас по-прежнему помнит и любит, но когда он сможет вновь увидеть Каневского на сцене или в российской кинопремьере?..

— Это очень реально в 2001 году. Наш театр получил приглашение на традиционный Чеховский фестиваль. И если все будет благополучно, в следующем году приедем в Москву с двумя спектаклями. Правда, еще не знаем, с какими, — посмотрим.

А насчет кино... Конечно, было бы интересно сыграть что-нибудь симпатичное со своими друзьями-коллегами, на русском языке пообщаться. Потому что очень сложно русскому актеру выступать на другом языке. Вот я читал интервью Николаева, игравшего в фильме "День рождения Буржуя", где он рассказывает, как трудно играть на иностранной площадке: он снимается в Америке, в Голливуде, где никто не говорит по-русски. Я могу подтвердить. Это действительно сложно — играть, импровизировать не на родном языке, — хотя со временем, конечно, становится легче. Но я думаю, было бы приятно оказаться на съемочной площадке со своими коллегами. Сыграть что-нибудь симпатичное... Но даст Бог — какие наши годы: все впереди!

— После девяти лет вне России вы все продолжаете считать себя русским актером?

— Ну, а как же иначе? Все зависит от того, какую школу и какой язык выбрал человек, когда рождался как артист, и на каком языке он мыслит. От этого идет определение. Но суть в другом: профессия "актер" — это выше, чем национальность, это... даже не знаю, что это! Это больше, чем профессия...

— Вы играли во многих фильмах, ставших сегодня золотым фондом советского кино. Но самая запомнившаяся роль — без сомнения, майор Томин. Сложившийся образ не мешает?

— Нет, в кино мне это не мешало. А в театре — да. Раздавался шумок, когда я выходил на сцену и в "Отелло" и в "Дон Жуане". И сейчас, в Израиле, когда я выхожу на сцену перед русским зрителем, в зале тоже раздаются шумок. Но это быстро проходит. И меня это совершенно не тяготит. Сложившийся образ мне не мешал. Наоборот: персонаж, который просуществовал двадцать один год на телеэкране и не надоел зрителям, а был ими принят, признан, любим, просто вдохновлял. Говорю это не без гордости и ложной скромности, потому что я до сих пор, прилетая в Москву, вижу людей, которые меня по-прежнему встречают улыбкой. Мне это приятно, не скрою. Потому что я уже в таком возрасте, когда скромничать незачем. Я уже не молодой человек — и меня похвалы не испортят, а актер без похвалы скисает...

— У вас есть актерская мечта? Сбылась ли она?

— Я не очень люблю, когда меня спрашивают: "А что же дальше?". Я никогда не говорю о своей актерской мечте. Вот если сыграю, тогда скажу: "Вот это я мечтал сыграть!" Актеры — люди суверенные, поэтому о том, что ждет впереди, актеры не говорят. Чтобы не сглазить!

Александр РОЗЕНЗАФТ, Тель-Авив.